

Большим успехом было то, что нас с Юки решили не только судить вместе, но и посадили в одну камеру. Это послабление выбила для нас адвокат, милая светловолосая девушка в строгом деловом костюме. Она сказала, что ее зовут Эйлин, а еще, чтобы мы не волновались. Юки получила новые трусики и наконец прекратила оттягивать кофточку, чтобы она прикрывала все нужные места. Естественно, ни о каких поцелуях речь уже не шла — это могло вызвать ужесточение наказания.

Более того, Эйлин порекомендовала нам с Юки вообще не заниматься сексом до решения суда. Было просто нестерпимо соблюдать эту рекомендацию, когда я смотрел на симпатичную мордашку Юки и вспоминал, как она постанывала, когда мой член таранил ее узенькую попку. Оставалось лишь гадать, какое наказание назначит нам суд. Учитывая тот факт, что мы были школьниками, наказание могло быть крайне жестким — речь скорее всего будет идти о публичном избиении розгами и отлучении от секса.

Все это могло привести к тому, что мы с Юки просто не сдадим сессию, что повлечет за собой еще одно наказание. Тяжело вздохнув, я улегся на узкую тюремную лавку. Юки сидела в углу и тихонько плакала. Я подумал, что нужно утешить ее, поднялся и погладил вздрагивающую спину девочки, ее волосы, нежно провел рукой по зареванной щеке. Несмотря на запрет, мой член налился соками — вид плачущей беззащитной девушки сыграл роль домкрата.

Словно почувствовав неладное, к камере подошел охранник. Его тяжелые, обитые железом сапоги словно отбивали такт. Но Юки даже не думала как-то нарушать рекомендации нашего адвоката — она просто уткнулась своим лициком мне в промежность и беззвучно рыдала. Я положил член ей на плечо и тихонько гладил волосы, которые рассыпались темно-каштановым водопадом.

— Хватит! — прервал нас охранник. — Заседание по вашему делу начнется через десять минут.

Он отпер дверь и вошел в камеру. Охранник был полностью обнажен, естественно, если не считать внушительной обуви. Грузными шагами он преодолел расстояние до плачущей Юки и критически ее осмотрел, отодвинув меня в сторону. При этом его крупный узловатый пенис словно случайно коснулся лица девушки. Та вздрогнула, почувствовав это, подняла голову и испуганно посмотрела сначала на охранника, а потом на меня.

— Вообще-то наш адвокат не рекомендовала нам заниматься сексом, — сказал я.
Юки кивнула в подтверждение.

— Друг с другом или совсем? — проворчал охранник, шлепая Юки членом по щечке. Девушка напряглась и попыталась отстраниться.

— Совсем! — твердо сказал я. — Эйлин сейчас придет, можете у нее спросить.

— Меня, кстати, Джо зовут, — непонятно зачем представился наш надзиратель.

После этого Джо придинулся к Юки еще ближе и положил ладонь на ее затылок. Его намерения были вполне очевидны. В другой ситуации я бы с удовольствием посмотрел как столь симпатичную девочку любят в ротик таким великолепным членом, но сейчас это могло грозить ей жуткими последствиями — если судья узнает, что она нарушила рекомендации адвоката, то к Юки могли применить пытки топором или даже самое ужасное — езду на велосипеде. Этого никак нельзя было допустить.

Джо криво ухмыльнулся и ткнулся своим членом в милый курносый носик Юки.

— Да что вы себе позволяете?! — не вытерпев, взвился я.

— Не боись, малек! Проникновения, а стало быть и секса, не будет, — успокоил меня охранник.

— Формально, — добавил он с улыбкой.

— Что значит «формально»? — спросил я.

— А то и значит... — проворчал Джо. — Будешь мешать — получишь.

Я тут же вскочил и попытался остановить его, но удар тяжелого подкованного железом ботинка отшвырнул меня в угол камеры. Сознания я не потерял и мог видеть все, что произошло дальше.

Джо наклонился и чмокнул Юки в лоб. Это было абсолютно не запрещено — строго-настрого карались лишь те эпизоды, когда парень и девушка целовались в губы. Девушки могли заниматься этим друг с другом, но не с парнями. Кроме того, девушкам и парням разрешалось целовать друг друга в нос, лоб, щеки, ягодицы, ступни, ладони и любые другие части тела, кроме губ. Поцелуй в губы был символом романтики в Том Мире, возможно, именно поэтому он был под запретом в здешних школах. Если запрет на оголенную девичью грудь был в силе и за стенами учебного заведения (за исключением семейных отношений), то запрет на поцелуи имел значение лишь для школьников и школьниц.

А Джо тем временем продолжал. Он погладил шейку девушки и нежно провел членом по ее губам.

— Держи язычок за зубами, — тихонько сказал охранник.

Судя по всему, эту фразу нужно было понимать в обоих смыслах — и в переносном, и в буквальном. Если язык Юки коснется пениса Джо — судья точно сочтет это оральным контактом.

Юки раскрыла губки, впуская член Джо. Тот радостно ткнулся в уголок ее рта. Но Юки обняла член лишь своими сахарными устами, она твердо решила оставить суду шанс счесть это невинным поцелуем.

Джо немного повозюкал членом по ее губам, шлепнул сначала по одной щечке, потом по другой. Но тут Юки изменила решение и крепко сжала свои губки. Джо ласково погладил ее по голове и отошел в сторону. Я уж было решил, что он оставит нас в покое, но не тут то было. Джо вернулся и просто начал теребить свой пенис перед милым лицом моей подружки, решив получить удовольствие самым незатейливым способом. Та закрыла глаза и сморщила ротик — очевидно, она не была любительницей окончания на лицо, но не смела противиться грубой силе нашего надсмотрщика.

Белесые струи украсили носик и щечки Юки. Не успела она вытереться, как новые потоки оросили ее шейку и подбородок. Довольно крякнув, Джо вышел, давая девочке несколько минут, чтобы привести себя в порядок перед умывальником, который висел в углу камеры. Юки едва умылась, когда охранник снова отпер дверь и подошел к нам, цокая подбитыми железом ботинками.

— На выход, — проворчал он. — Заседание через минуту, — добавил охранник, застегивая мне и Юки наручники за спиной. Мы считались опасными преступниками.

Джо повел нас по узкому зеленому коридору. Камеры были непрозрачны снаружи — за решетками клубился серебристый туман, ведь узники не должны были контактировать между собой.

И вот мы вошли в зал суда — просторное светлое помещение. Процесс над нами вызвал широкий общественный резонанс — не каждый день в школах с урока (пусть и с факультатива) инспекторы забирают в тюрьму сначала учительницу, а потом двух ее учеников. Да еще со штурмом помещения и битыми стеклами.

— Встать, суд идет! — рявкнул Джо.

Все встали. Зрителей было немного, среди них и преподаватели школы. Я увидел среди них очаровательную Дженни, которая читала у нас историю, и мой член снова воспрял духом.

Председательствовал судья Фертус — бородатый щуплый паренек, что уже само по себе было странным — у жителей Этого мира чаще всего не было растительности на лице, а тела они выбирали только мускулистые и подтянутые. сама дерзко нарушила статью 4 Всеобщего статута, публично оголив свою грудь перед невинными школьниками, которые благочестиво предавались анальному сексу! В столь нежном возрасте вид аппетитных девичьих грудей может привести к психологической травме на всю жизнь!

Среди зрителей пронесся вздох ужаса. От таких слов адвоката некоторым стало плохо.

Представители коллектива школы сидели красные, как раки — им было стыдно, что вместе с ними преподавала такая жуткая извращенка как Вэнди.

— Я протестую! Суд над Вэнди будет позже, нельзя называть ее виновной, — возразила обвинительница.

— Отклоняю возражение обвинения, — ответил ей судья. — Значим сам эпизод, а не вердикт будущего суда.

— Я требую справедливости! — продолжала вещать Эйлин. — В такой сложной ситуации мои подзащитные не растерялись и даже после силового захвата опасной преступницы нашли в себе силы все же выполнить цель урока и заняться любовью, чего не смогла больше сделать ни одна пара в аудитории!

— Я напомню, что это был факультатив по анальному сексу. Скажите, Юки, было ли это ваше первое анальное проникновение?

— Да... — едва слышно прошептала девочка, покраснев.

— Я считаю, что они держались достойно! Поддержим же моих подзащитных аплодисментами!

Раздались бурные аплодисменты. «Надо же. в таком возрасте!», » И как она только смогла, кругом осколки, крики»... — звучало в зале.

— Разве может смелость быть наказуем? Разве можно порицать любовь и взаимную поддержку? Да, они нарушили закон, в порыве страсти и под влиянием эпизода с оголением грудей преподавательницы Вэнди поцеловав друг друга в губы. Я согласна, это отвратительно и аморально! Но давайте не будем забывать, что есть не только буква, но и дух закона!

Давайте же следовать этому духу!

— Господин судья, у обвинения есть еще один аргумент. Перед заключением в камеру адвокат подсудимых выбила для них совместное нахождение в камере! И порекомендовала не заниматься сексом. Вообще. Была ли такая рекомендация?

— Да, — хрипло сказал я. Юки кивнула, подтверждая.

— И вот, что произошло. Пожалуйста, выведите видео с камеры наблюдения.

На видео появился Джо, который приставал к Юки. Он водил членом по ее милому лицу, тыкался в губки, целовал в лоб.

— На видео четко видно, что девушка не оказывает сопротивления. Посему я считаю, что

рекомендация адвоката нарушена и это является отягчающим обстоятельством.

— Моя подзащитная не сопротивлялась, поскольку опасалась, что охранник может применить силу! Посмотрите на его габариты! Она ведь лишь хрупкая девушка!

— Отклоняю возражение защиты. Юки могла хотя бы попытаться оттолкнуть его ладонями. На видео этого нет. Более того, она сама положила ладошки на его зад, что уж точно нельзя трактовать как нежелание принимать член в столь симпатичный ротик!

В зале раздались одобрительные смешки.

— Но ведь проникновения не было! — пустила в ход главный аргумент Эйлин. — Джо лишь ласкал ее губы и лицо членом, что не является минетом по Третьему канону! Чтобы суд счел это сексом, должен быть доказан факт соприкосновения язычка и пениса! А стало быть, никакого секса в камере не было!

Я попросил продолжить воспроизведение видео. Теперь все увидели, как Юки сжала губки и Джо пришлось кончить ей на лицо. Мнение зрителей вновь качнулось в нашу сторону.

— Обвинение требует трех ударов электрошокером и полчаса езды на велосипеде для Юки. Для Тима — отрубания пальцев на обоих руках, умерщвления через десять минут с последующим воскрешением при полном сохранении памяти. Кроме того, полного воздержания от секса и мастурбации для обоих подсудимых сроком на неделю.

— Защита требует полностью оправдать Юки и Тима. Они нарушили закон, но совершили это под действием непреодолимой силы.

— Суд удаляется для вынесения решения.

Судья Фертус появился вновь через десять минут. Юки к тому времени уже не могла плакать, я приобнял ее, насколько позволяли наручники. Девочка дрожала от ужаса. Езда на велосипеде — самое страшное, что может случиться. В этом мире из-за некоторых физиологических изменений у людей была полностью нарушена работа вестибулярного аппарата, что делало невозможным удержание равновесия при езде на двухколесном транспорте. Даже минута публичной езды означала синяки, шишки, и самое главное, падение в глазах окружающих. И порка розгами не пугала так, как велосипед.

Судья вернулся и принялся зачитывать вердикт.

— Мамочки!... — вскрикнула Юки и закрыла глаза.

— Признать юных граждан Этого Мира Юки и Тима виновными в совершении преступления, предусмотренного статьей 7 Всеобщего статута и приговорить к полному воздержанию от секса сроком на 3 дня, начиная с десяти часов завтрашнего утра.

— Фуух, могло быть и хуже... — я вытер пот со лба.

— Это еще не все, — печально сказала Эйлин.

Судья продолжил:

— Кроме того, Тиму надлежит завтра в восемь утра явиться в школьную пыточную под личное обязательство. Ему будут отрублены все пальцы на руках, затем через пять минут будет произведена казнь Тима и его возрождение с полным сохранением памяти и личности в девять утра того же дня. Юки надлежит явиться в пыточную также под личное обязательство в десять утра того же дня, где она будет избита кастетом и бейсбольной битой в присутствии Тима, после чего в десять тридцать будет произведено ее полное излечение от последствий ударов. Воздержание от секса и мастурбации будет контролироваться в течении трех дней специальным отрядом школьных инспекторов. На этот период для подсудимых будет обязательно лишь участие в общеобразовательных практических занятиях, на любовных

практиках им разрешается только наблюдать.

— Слава богу, лишь бы не велосипед! — просияла девочка.

— Суд окончен! — провозгласил секретарь.

Поскольку судья определил личное обязательство, с нас сняли наручники прямо в зале суда. В этот момент начали бить полночь часы, висевшие над судейским столом. Суд в Этом мире часто продолжался и в ночное время.

Часть девушек, сидевших в зале, поспешно покинули помещение, чтобы переодеться. За стенами Школы всем девочкам рекомендовалось менять наряды в зависимости от дня недели, существовала особая система, у каждой девушки своя. Об этом нам рассказывали на уроках этикета.

В понедельник рекомендовалось носить мини-юбку и топик, во вторник — обтягивающие шортики и блузку с глубоким вырезом, в среду — футболку на голое тело, в четверг — бикини, в пятницу — ажурный лиф и трусики, в субботу — короткое платье или ночную сорочку, а воскресенье было особенным днем — девочкам предписывалось носить лишь набедренные повязки и передвигаться в пушистых наручниках, прикрывая груди ладошками.

Девочки-воскресенья были беззащитны, они лишились части прав и обязаны были терпеть насилие (до определенных пределов), которое было направлено против них.

Эти нормы не были обязательны, но часть девушек соблюдали традиции. Особенно уважаемы в обществе были девочки, которые не боялись облачаться в воскресный наряд. Став адвокатом или судьей большинство из них считали своим долгом начать блюсти воскресный обет послушания, хотя это вовсе не было обязательным условием для вступления в должность.

В суде были запрещены раздаточные автоматы, поэтому в сумке с собой Эйлин принесла вовсе не доказательства нашей с Юки невиновности, а наручники и набедренную повязку. Естественно, они отличались от тюремных — были обиты пушистым материалом и застегивались спереди, а не за спиной. Еще минуту назад у нее была суббота, но субботнего платья на ней не было — строгий деловой костюм не входил в семь предусмотренных традицией вариантов.

Эйлин зашла за ширму, специально поставленную для таких целей и переоделась там. Вышла оттуда уже не бойкая адвокатша, а смиренная девочка-воскресенье, с взглядом, потупленным в пол. Она стыдливо прикрывала груди растопыренными ладошками. Посмотрев на ее пальчики, я вспомнил о завтрашнем наказании, но отбросил грустные мысли прочь — нужно было жить сегодняшним днем.

Я дал Эйлин легкую пощечину, от чего на ее щеке остался красный след. Это было в порядке вещей для воскресенья, но девочка все же не выдержала и вскрикнула от боли. Я схватил ее за плечи и поставил на карачки прямо коленями в твердый деревянный пол зала заседаний. Аппетитный задик адвокатши едва скрывала узкая набедренная повязка